Графъ М. М. Сперанскій и графъ А. А. Аракчеевъ.

(По воспоминаніямъ Г. С. Батенкова, написаннымъ 31 марта 1826 г.).

Изъ всѣхъ лицъ, съ коими состоялъ я въ Петербургѣ въ связи, имѣю къ одному Сперанскому особенныя отношенія. Сіе происходитъ отъ того, что онъ одинъ зналъ меня мальчикомъ.

Бывъ гонимъ въ Сибири Пестелемъ, я, можно сказать, любимъ былъ въ тайнѣ: явно никто не смѣлъ оказать мнѣ особаго вниманія. Неудачная постройка моста въ Томскѣ предавала меня въ руки губернатора, долго тяготила, и я въ такихъ обстоятельствахъ долженъ былъ искать отставки.

Получивъ свѣдѣніе о назначеніи Сперанскаго, я тотчасъ отправился въ Тобольскъ. Мнѣ онъ казался еще страшнѣе Пестеля, ибо я, отъ природы безмѣрно самолюбивъ, ужасался его знаній и ума и боялся, что встрѣча съ нимъ уронитъ меня, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всѣхъ, кто почиталъ меня умнѣйшимъ изъ сибиряковъ.

Готовя мой рапортъ о системѣ сообщеній въ Сибири, я переписывалъ его нѣсколько разъ и кончилъ уже по необходимости. Когда Сперанскій пріѣхалъ въ Тобольскъ, всякая встрѣча была отказана, рапорты послали мы въ пакетахъ и должны были явиться на другой день.

Застѣнчивость моя обратилась въ совершенное замѣшательство, когда на дорогѣ городничій объявилъ мнѣ, что солдатъ моей команды напился пьянъ и упалъ противъ дома генералъ-губернатора.

Изъ всѣхъ лицъ, кои ожидали въ залѣ его выхода, полагаю, что всѣхъ болѣе были смущены: губернаторъ, какъ зять Пестеля, и я. По сему первое мое появленіе къ Сперанскому было весьма смиреннымъ и робкимъ. Онъ, однакоже, вскорѣ подошелъ ко мнѣ и, вѣроятно, былъ до-

воленъ моимъ рапортомъ, обласкалъ меня и убѣждалъ ѣхать съ собою. Сіе меня радовало и пугало.

Два рода людей было тогда съ Сперанскимъ: 1) принадлежавшіе къ канцеляріи Пестеля: они не пользовались ни какимъ довѣріемъ и стояли какъ бы въ сторонѣ, имѣя прикосновеніе токмо по дѣламъ; 2) пріѣхавшіе съ нимъ. Они суть: Цейеръ, Вейкартъ, Вильде и Рѣпинскій.

Цейеръ весьма извѣстенъ. Онъ былъ нѣкогда секретаремъ Сперанскаго, высланъ былъ во время его ссылки, и соединился опять съ нимъ въ Казани, на пути въ Сибирь. По возвращеніи въ Петербургъ ѣздилъ лѣчиться во Францію и Италію. Человѣкъ сей добръ, набоженъ, начитанъ и любитъ Сперанскаго, какъ истинный другъ.

Вейкартъ. Молодой мальчикъ съ порядочными дарованіями, котораго держали какъ сына, потому что мать его воспитывала дочь Сперанскаго и въ то время имѣла ее въ своемъ домѣ.

Густавъ Вильде. Человѣкъ отлично свѣтскій, тонкій въ обращеніи, вкрадчивый, не знатокъ въ дѣлахъ, воспитанный по иностранному и, можно сказать, необходимый генералъ-губернатору для того, чтобъ доставлять о людяхъ свѣдѣнія.

Рѣпинскій. Только что взятъ былъ изъ Пензенской семинаріи. Человѣкъ собственно ученый, вѣрный, честный; былъ и остался у Сперанскаго ближайшимъ секретаремъ.

Мое знакомство началось домашнимъ обѣдомъ, на который былъ я приглашенъ, и встрѣчею съ Сперанскимъ на прогулкѣ, ибо онъ ходилъ, несмотря на погоду, каждый день по нѣскольку верстъ. Я старался склонять разговоръ къ тому предмету, въ которомъ былъ твердъ, а именно къ математикѣ. Первое порученіе сдѣлалъ онъ мнѣ по полученіи изъ крѣпости Омской настоятельнаго требованія суммы 10.000 р. на постройку новаго моста, ибо старый представляли развалившимся. Обозрѣвъ на мѣстѣ, я нашелъ, что ежели употребить на поправку менѣе тысячи рублей, то мостъ прослужитъ еще нѣсколько лѣтъ.

Сей первый опытъ усердія принятъ былъ благосклонно. Вскорѣ усмотрѣлъ я, что окружающіе Сперанскаго люди не такъ велики въ познаніяхъ и дарованіяхъ, чтобъ я не могъ чего нибудь надѣяться. Бросилъ думать объ отставкѣ и рѣшился ѣхать до Иркутска.

Мы отправились съ большою свитою. Въ пути я не переставалъ быть весьма застѣнчивымъ, ибо смущало меня даже и то, что экипажъ мой былъ хуже всѣхъ. Не приходилъ даже къ столу безъ приглашенія, а когда одинъ разъ пала лошадь подъ моею бричкою, то я считалъ уже себя совсѣмъ погибшимъ. Сперанскій замѣтилъ сіе, сказалъ, чтобъ я не безпокоился, что онъ заплатитъ изъ разъѣздныхъ денегъ, и чтобъ ободрить меня, началъ на нѣкоторыхъ станціяхъ сажать съ собою въ карету.

По пріѣздѣ въ Томскъ, онъ призывалъ меня нѣсколько разъ и раз-

спрашивалъ о лицахъ. Поелику многіе подверглись отрѣшенію и слѣдствію, то нужно было опредѣлять вновь. Онъ приказалъ мнѣ составить проектъ размѣщенія (?) и, посовѣтовавшись съ вице-губернаторомъ Горловымъ, утвердилъ оный, съ малыми перемѣнами.

Мнѣ показалось сіе чудомъ: во всей Сибири разнеслось, что я въ великой силѣ. Но истинныя мои отношенія къ Сперанскому не измѣнялись. Я не смѣлъ безъ приглашенія явиться къ столу и не смѣлъ войти безъ доклада.

На пути къ Иркутску онъ былъ боленъ и не выходилъ изъ кареты. Мы остановились въ Нижнеудинскѣ для произведенія слѣдствія надъ страшнымъ исправникомъ Лоскутовымъ. Во все сіе время Сперанскій являлся строгимъ и неприступнымъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ началась слѣдственная коммисія. Сперанскій спасалъ кого только могъ, съ виновниками обращался мягко. Сіе возбуждало негодованіе партій.

Я окончилъ три порученія: проектъ укрѣпленія берега р. Ангары, обозрѣніе Кяхтинской границы и изысканіе путей около Байкала. Во время сихъ поѣздокъ познакомился съ Геденштромомъ, извѣстнымъ по своему путешествію въ Ледовитомъ морѣ; но онъ вскорѣ отставленъ былъ Сперанскимъ и преданъ слѣдствію.

Между тѣмъ Сперанскій началъ меня употреблять въ гражданскихъ дѣлахъ. Собственно силы я никакой не имѣлъ и едва могъ только способствовать опредѣленію одного лица, раненаго[1] капитана Юдина, городничимъ въ Томскъ.

Жизнь наша въ Иркутскѣ представляетъ нѣчто необычное. Многіе богатые чиновники, будучи отставлены отъ мѣстъ и собраны для отвѣтовъ въ губернскій городъ, давно уже переведя большую часть имѣній на имя женъ и лично оставаясь не угнетенными, жили довольно роскошно. Открылась игра въ карты. Молодые наши чиновники приняли въ ней участіе, но только два или три человѣка изъ нихъ остались въ небольшой выгодѣ. Я въ карты не играю.

Я вышелъ совсѣмъ изъ круга пріѣзжихъ и не могъ заниматься дѣлами, по жестокой болѣзни. Сверхъ того очень сблизился съ отрѣшеннымъ отъ должности Геденштромомъ, по родству его съ нашимъ докторомъ Албертомъ, и переѣхалъ къ нимъ въ домъ. Сіе не понравилось Сперанскому до того, что онъ меня почти оставилъ, не взялъ съ собою въ Кяхту и Нерчинскъ, и я едва могъ поправить свои къ нему отношенія, чтобъ хотя онъ отвезъ меня обратно въ Тобольскъ.

Въ свойствахъ Сперанскаго примѣчательно:

1) Что онъ весьма скрытенъ и мысли его о лицахъ отгадывать трудно.[1]

2) Что неудовольствіе свое обыкновенно являетъ онъ, удаляя отъ сношеній съ собою, и ежели они вовсе прекратятся, то почитаетъ не-

возможнымъ уже возобновить. Примѣръ Магницкаго мнѣ служитъ доказательствомъ.

3) Онъ не корыстолюбивъ, но скупъ на выдачу денегъ, при всемъ томъ издерживаетъ весьма много, всегда въ долгахъ, собственно для себя доволенъ немногимъ, но имѣетъ множество лицъ на своемъ содержаніи.

4) Дома любитъ уединеніе, занимается чтеніемъ или письмомъ и всегда недоволенъ, когда прервутъ его.

5) Любитъ всѣхъ держать сколько можно отъ себя далѣе и смотритъ на другихъ съ высоты.

5) Набоженъ и не допускаетъ при себѣ никакихъ дерзкихъ разговоровъ.

7) Любитъ давать поученія.

По пріѣздѣ въ Тобольскъ, я, желая сдѣлать себя интереснымъ, началъ писать у с т а в ъ о с с ы л ь н ы х ъ и, показавъ программу и первые опыты, сталъ уже заниматься съ Сперанскимъ въ высшихъ по управленію отношеніяхъ. Становился послѣ Цейера первымъ лицомъ, но вскорѣ опять потерялъ его привязанность. Ему не понравилось мое развлеченіе, пристрастіе къ женщинамъ и самолюбіе. Онъ рѣшилъ проститься со мною въ Тобольскѣ. Съ своей стороны находилъ я уже невозможнымъ служить въ Сибири и просилъ увольненія. Предъ самымъ отъѣздомъ его (въ январѣ 1821), получилъ я отпускъ на Кавказъ на шесть мѣсяцевъ. Отправился вслѣдъ за Сперанскимъ вмѣстѣ съ отставнымъ чиновникомъ Корнильевымъ, и хотя догонялъ его въ Тюмени, Перми, Казани и на нѣкоторыхъ станціяхъ, но не принадлежалъ уже къ его свитѣ. Онъ поѣхалъ на Симбирскъ, а я въ Москву и потомъ въ южныя губерніи.

По возвращеніи въ Москву, засталъ тутъ Вильде и пробылъ съ нимъ около шести недѣль. Писалъ въ Петербургъ къ Сперанскому и получилъ отъ него, сверхъ чаянія, отвѣтъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему, ибо Бетанкуръ вовсе перевелъ меня изъ Сибири, что я нуженъ и что могу служить съ выгодою.

Я летѣлъ въ Петербургъ и былъ принятъ ласково. Бетанкуръ клонился къ упадку, а Сперанскій пользовался большимъ уваженіемъ.

Сначала я былъ очень робокъ, потому: 1) что обремененъ былъ долгомъ; 2) что отсталъ отъ столичнаго этикета; 3) что не былъ даже прилично обмундированъ; 4) нося военный мундиръ, боялся бѣды на каждомъ шагу.

Сперанскій жилъ тогда въ домѣ Жерве, а я въ трактирѣ Демута. Вскорѣ сдѣлали меня производителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета, и Сперанскій ввелъ въ домъ къ графу Кочубею. Съ г-жею Вейкартъ и съ

дочерью Сперанскаго я очень мало познакомился и былъ у нихъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ.

Къ Сперанскому едва могъ добиваться съ дѣлами, ибо онъ окруженъ былъ большою толпой и болѣе жилъ въ Царскомъ Селѣ, куда ѣздилъ я только въ собранія Сибирскаго комитета.

Среди сего, снова выгоднаго для Сперанскаго, по отношеніямъ службы положенія, случилось важное и для него затруднительное въ семейномъ быту дѣло. Г-жа Вейкартъ стала замышлять женить своего брата на его дочери, старалась возбудить въ нихъ взаимную склонность, и довела дѣло до того, что рѣшилась требовать ея руки. Здѣсь Сперанскій поступилъ весьма рѣшительно, взялъ немедленно дочь изъ дома, отправилъ на дачу къ Столыпину и довольно на долго сдѣлался для насъ невидимъ. Онъ переѣхалъ потомъ въ домъ Неплюева, а я къ Масальскому. Въ теченіе зимы 1821—1822 г.г. мы видѣлись только по четвергамъ передъ собраніемъ и въ собраніи Сибирскаго комитета. Въ сіе время онъ вывелъ меня изъ денежныхъ затрудненій, выпросивъ въ награду 10.000 рублей. Болѣе ничего по его ходатайству я не получалъ.

Въ мартѣ 1822 г. Сперанскій былъ уволенъ отъ званія Сибирскаго генералъ-губернатора, и когда лѣтомъ канцеляріи отправились, осталось въ квартирѣ его много свободныхъ помѣщеній. Въ концѣ лѣта онъ предложилъ мнѣ занять нѣсколько комнатъ съ княземъ Шаховскимъ. Съ симъ вмѣстѣ требовалъ:

во-первыхъ, чтобъ я не забывалъ уваженіе, которымъ обязанъ къ его дому, и уклонялся бы отъ всѣхъ шалостей, свойственныхъ молодымъ людямъ. Также не допускалъ бы и молодыхъ чиновниковъ тѣмъ болѣе, что мы будемъ жить въ домѣ не одни, и что прислуга Обрѣзкова весьма избалована.

во-вторыхъ, чтобъ я избѣгалъ положительныхъ разговоровъ о дѣлахъ, ибо слова мои могутъ почитать авторитетомъ, и что сіе опаснѣе самыхъ выдумокъ.

Переѣхавъ къ Сперанскому, я видѣлся съ нимъ рѣже прежняго и былъ такъ еще далекъ (осенью 1822), что совсѣмъ не былъ на свадьбѣ его дочери. Время проводилъ на свободѣ и въ большомъ разсѣяніи. Осенью графъ Аракчеевъ пригласилъ меня въ Грузино, и я долженъ былъ поступить къ нему на службу.

Сперанскій мнѣ далъ слѣдующія приказанія и совѣты:

1) Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ.

2) Ежели не хочу быть замѣшанъ въ хлопоты, вести себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей.

3) Никогда не давать графу замѣтить, а лучше и не думать, что я могу, кромѣ его, имѣть къ государю другіе пути.

Все сіе исполнено было мною въ точности, и я нашелся въ состоя-

нія три года быть близкимъ къ графу. Съ Сперанскимъ мы почти разстались. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Черниговъ.

Когда дочь его возвратилась въ Петербургъ и предстояла надобность перемѣнить квартиру, я просилъ Сперанскаго не оставлять меня и дать хотя одинъ покой, чтобъ имѣть отъ военныхъ поселеній нѣкоторое отдаленіе.—Онъ согласился, и мы, перейдя къ Лазареву, сперва помѣстились въ среднемъ этажѣ, а послѣ я перешелъ въ верхній этажъ флигеля.

Отношенія мои къ дому Сперанскаго приняли новый оборотъ. Не бывъ уже съ нимъ связанъ по службѣ, я искалъ пріязни токмо зятя и дочери, и совершенно сталъ принадлежать къ ихъ кругу. Сперанскій пребывалъ уединеннымъ. Онъ занимался въ кабинетѣ, я видалъ его только изрѣдка за обѣдомъ, а иногда ввечеру въ гостиной; дочь и зять также являются къ нему только въ опредѣленное время. Онъ любитъ единственно играть со внукомъ. Ко всему прочему является холоднымъ. Мнѣ просить уже было не о чемъ, ибо я считалъ себя обезпеченнымъ въ окладахъ и въ расположеніи графа Аракчеева. Всѣ мои сношенія съ Сперанскимъ были тогда единственно по занятію мною системою египетскихъ письменъ, ибо и онъ занимался древностями. Сибирскія дѣла я велъ уже самъ чрезъ Аракчеева, который былъ тогда предсѣдателемъ въ комитетѣ.

Какъ ни сильно было лицо графа Аракчеева, но поелику сталъ онъ знать меня съ портфелью статсъ-секретаря и членомъ своего совѣта, притомъ я зналъ, что ему былъ нуженъ, то я могъ принять не тотъ тонъ, какой наблюдалъ съ Сперанскимъ.

Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между сими лицами.

Аракчеевъ страшенъ физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ; Сперанскій страшенъ морально, ибо прогнѣвить его значитъ уже лишиться уваженія. Аракчеевъ зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ; Сперанскій холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя, всѣми средствами; Сперанскій любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы; все исполнитъ, что обѣщаетъ. Сперанскій приступенъ на всѣ просьбы о добрѣ; охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ; злорѣчія не любитъ, а хвалитъ рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей, сообразно ихъ способностямъ, ни на что постороннее не смотритъ; Сперанскій нерѣдко смѣшиваетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ: Сперанскій остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во-что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ: Сперанскаго характеръ сильный можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; съ подчиненнымъ совершенно искрененъ и увлекается всѣми страстями. Сперанскій всегда является въ приличіи, дорожитъ каждымъ словомъ и кажется не искреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ перемѣнить видъ свой по обстоятельствамъ; Сперанскій, при появленіи каждаго новаго лица, можетъ легко перемѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомолъ, но слабой вѣры; Сперанскій набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные. Сперанскаго любилъ душею.

Приступаю теперь къ описанію послѣдней эпохи, и предварительно подтверждаю, что о перемѣнѣ образа правленія я никогда не осмѣливался говорить съ Сперанскимъ.

Начинаю съ того времени, какъ исключенъ я былъ изъ военныхъ поселеній и остался опять на рукахъ Сперанскаго. Сіе паки сдѣлало меня для него занимательнымъ и жалкимъ (половина ноября 1825 г.).

Посредствомъ дочери я довелъ до его свѣдѣнія о намѣреніи моемъ ѣхать въ Америку. Онъ увидѣлъ меня за обѣдомъ, сказалъ, что это уже крайняя мѣра, и что по всѣмъ вѣроятностямъ государь меня не броситъ, но чрезъ начальника штаба узнаетъ истинныя причины. Чрезъ нѣсколько дней получено было горестное извѣстіе о кончинѣ его величества.

Чтобъ предоставить въ связи нѣсколько разговоровъ, кои я имѣлъ съ нимъ въ послѣднее время, необходимо сдѣлать отступленіе, описать мѣстности и означить нѣсколько новыхъ лицъ, кои играли или могли играть здѣсь нѣкоторыя роли. Начинаю съ лицъ.

Багрѣевъ, зять Сперанскаго, есть человѣкъ, исполненный высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи: бывъ внукомъ графа Безбородки,(?) онъ считаетъ себя лицомъ первой фамиліи и есть величайшій врагъ и гонитель всѣхъ либеральныхъ идей. Дочь Сперанскаго женщина, можно сказать, ученая, свѣтская и пріятная. Она въ разговорахъ умѣетъ примѣниться ко всякому и принимать всѣ тоны.

Величко, надворный совѣтникъ, человѣкъ богатый и умный. По старому знакомству Сперанскаго съ отцомъ его, онъ принятъ въ сибирскую канцелярію. Со мною наружно друженъ, но внутренно недоволенъ по соперничеству; а болѣе потому, что я во все время не выпрашивалъ ему ни одной награды, ибо онъ не занимался дѣлами. Онъ каждый день почти бываетъ въ домѣ Американской компаніи. Къ Спе-

ранскому не имѣлъ свободнаго доступа; но нашелъ случай свести дѣло съ Довомъ о портретѣ. Съ Багрѣевымъ довольно коротокъ.

Клѣтченко, экзекуторъ канцеляріи, казачій офицеръ, держитъ въ домѣ полицію, почти безграмотный, но тонкій и все доводитъ до свѣдѣнія Сперанскаго, что дѣлается въ домѣ.

Аргамаковъ, чиновникъ канцеляріи, взятый собственно мною изъ Томска, по дружбѣ съ его отцомъ; онъ во все время не сказалъ десяти словъ съ Сперанскимъ; но друженъ съ Рѣпинскимъ и Клѣтченкою.

До траура въ домѣ Сперанскаго [1]), у дочери и зятя были вечера по четвергамъ каждую недѣлю. Здѣсь играли въ вистъ, шахматы, въ фанты, бывали дѣвицы и литераторы, въ числѣ коихъ былъ принятъ Бестужевъ, введенный вѣроятно Гнѣдичемъ. Самъ Сперанскій мало бралъ въ сихъ вечерахъ участія. Никогда тутъ не слыхалъ я политическихъ толковъ.

Въ домѣ бель-этажъ на Невскій проспектъ занимаетъ Сперанскій. Во флигелѣ зять его и прислуга, а надъ ними по коррпдору: я, Клѣтченко, Аргамаковъ и Рѣпинскій.

Ноября 27-го я былъ у Рылѣева часовъ въ 5-ть послѣ обѣда и на короткое время. Поѣхалъ къ присягѣ въ церковь Военно-строительнаго училища, и оттуда къ Абакумову. Возвратясь домой часу въ 12-мъ не могъ уснуть. Пошелъ къ Рѣпинскому и приказалъ дать чаю; молодежь, въ томъ числѣ и Клѣтченко, собрались ко мнѣ. Мы говорили о кончинѣ государя, и я разсказалъ имъ, что слышалъ объ отреченіи цесаревича. Разговоръ продолжался почти во всю ночь. Уснувъ немного я по-утру пошелъ къ Багрѣеву и хотѣлъ узнать отъ него обстоятельнѣе, но онъ отвѣчалъ, что будто не слыхалъ ничего. Возвратясь домой я сѣлъ къ камину, а послѣ пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Варенцовъ. Сперанскій, безъ сомнѣнія увѣдомленный Клѣтченкою, что мы проговорили цѣлую ночь, и Багрѣевымъ, что я спрашивалъ объ отреченіи, прислалъ за мною и строго запретилъ мнѣ толковать о семъ предметѣ.

Когда надѣли трауръ, то дочь Сперанскаго просила меня и всѣхъ молодыхъ людей, коихъ увижу, предварить, что они приняты не будутъ. Въ числѣ другихъ я объявилъ и Бестужеву.

Декабря 13-го по-утру я вошелъ въ кабинетъ Сперанскаго вслѣдъ за его дочерью, не бывъ имъ позванъ. Разговоръ, сколько могу припомнить, представляю подробно.

Сперанскій. Лиза, тебѣ надобно снять твой трауръ.

Дочь. Развѣ государь пріѣхалъ?

Сперанскій. Государь здѣсь.

Дочь. Николай Павловичъ; не правда-ли?

Сперанскій. Точно такъ; надобно васъ поздравить.

---

[1]) По случаю кончины императора Александра I.

Дочь. Я не знаю какъ господа мужчины, а мы женщины сему чрезмѣрно рады.

Сперанскій. И мы рады; это человѣкъ необыкновенный. По первому пріему онъ обѣщаетъ новаго Петра.

Я. Царствованіе его, конечно, будетъ продолженіемъ прежняго.

Сперанскій. Такъ назначено объявить, и должно быть въ честь покойнаго брата.

Я ушелъ послѣ сего домой и во весь день у нихъ уже не былъ.

14-го числа по-утру, ѣхавъ къ присягѣ, явно казался я недовольнымъ въ разговорѣ съ Аргамаковымъ и Клѣтченкой, хотя о перемѣнѣ образа правленія и не говорилъ ничего, даже и не намекалъ. Рано вечеромъ 14-го числа заходилъ я къ Вильде, но мнѣ отказали; онъ также часто бывалъ у Прокофьева.

Того-же дня вечеромъ поздно пріѣхалъ ко мнѣ подполковникъ Севастьяновъ и сказывалъ, что во дворцѣ было уже извѣстно, что адъютантъ Бестужевъ началъ дѣло, что герцогъ послалъ въ домъ Американской компаніи Варенцова захватить его и предварить хозяина о подозрительности прочихъ.

15-го по-утру огласилось у насъ въ домѣ объ арестѣ въ оном ночью Корниловича, на квартирѣ одного свитскаго офицера. Когда пили мы чай, Аргамаковъ, который былъ зрителемъ, разсказывалъ мнѣ о лицахъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и когда упомянулъ Рылѣева, то я весьма смутился.

Полагаю, что нѣкоторое на меня сомнѣніе Сперанскому, послѣ происшествія, подалъ Клѣтченко, судя по разсказамъ Аргамакова, или Вильде, а всего вѣроятнѣе Величко, самъ или чрезъ Багрѣева; ибо онъ могъ быть въ домѣ Американской компаніи или 14-го вечеромъ, или 15-го по-утру и знать отъ людей или отъ Штейнгеля, что я былъ 14-го числа ввечеру у Рылѣева. Сіе основываю на томъ: 1) что самъ Величко нѣсколько дней спустя сказывалъ мнѣ, будто бы приказалъ у себя въ домѣ, ежели бы я пріѣхалъ, запереть двери и тотчасъ дать знать ему, чтобъ представить меня къ Сперанскому; 2) Багрѣевъ встрѣтилъ меня съ великимъ неудовольствіемъ, упрекалъ, что я пригласилъ его одинъ разъ обѣдать у Прокофьева, и почти отказалъ въ знакомствѣ съ собою. Сіи поводы и смущеніе, которое я оказалъ, могли быть достаточными для Сперанскаго, чтобъ спросить меня: не зналъ ли я чего отъ Бестужева или въ домѣ Американской компаніи предварительно. Я отрекся рѣшительно, сказавъ токмо, что могутъ развѣ припутать въ разговорахъ. Онъ приказалъ мнѣ не только быть на виду въ своемъ корпусѣ, но ежели я хоть что-нибудь слышалъ, то объявить немедленно герцогу Виртембергскому.

Спустя десять дней. Сперанскій спросилъ меня, совсѣмъ ли я успокоился: но сіе было уже не что иное какъ послѣдствіе перваго вопроса, и сдѣлано мимоходомъ. Мнѣ приказалъ онъ заняться составленіемъ записокъ: 1) о Колыванскихъ заводахъ; 2) о Военныхъ поселеніяхъ. Участь мою полагалъ онъ устроить, выведя изъ корпуса Путей Сообщенія и помѣстивъ въ коммисіи составленія законовъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ одинъ разъ.